

В Карабагском ханстве, при подошве каменистого пригорка, возле самой дороги из Елизаветополя в Шушу, стоит древний замок, обнесенный высокой каменной стеной с шестью полуразрушенными круглыми башнями.

Возле этого замка, поражающего путника грандиозно-массивными контурами, бьет ключ Шах-Булах, а несколько далее, верстах в десяти или пятнадцати, приютилось татарское кладбище, раскинувшееся на одном из придорожных курганов, которых так много в этой части Закавказского края. Высокий шпиль минарета издали привлекает внимание путешественника. Но не многие знают, что этот минарет и это кладбище — безмолвные свидетели подвига, почти баснословного.

Здесь именно, в персидскую кампанию 1805 года, русский отряд в четыреста человек, под командой полковника Карягина, выдержал нападение двадцатитысячной персидской армии и с честью вышел из этого слишком неравного боя.

Кампания началась с того, что неприятель перешел Араке у худоперинской переправы. Прикрывавший ее батальон семнадцатого егерского полка, под командой майора Лисаневича, не в силах был удержать персиян и отступил в Шушу. Князь Цицианов тотчас отправил на помощь к нему другой батальон и два орудия, под командой шефа того же полка, полковника Карягина, человека, закаленного в битвах с горцами и персиянами. Сила обоих отрядов вместе, если бы им и удалось соединиться, не превышала девятисот человек, но Цицианов хорошо знал дух кавказских войск, знал их предводителей и был спокоен за последствия.

Карягин выступил из Елизаветполя двадцать первого июня и через три дня, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии, под начальством сардаря Пир-Кули-хана.

Так как здесь было не более трех-четыре тысяч, то отряд, свернувшись в каре, продолжал идти своей дорогой, отражая атаку за атакой. Но под вечер вдали показались главные силы персидской армии, от пятнадцати до двадцати тысяч, предводимые Аббас-Мирзой, наследником персидского царства. Продолжать дальнейшее движение русскому отряду стало невозможным, и Карягин, осмотревшись кругом, увидел на берегу Аскорани высокий курган с раскинутым на нем татарским кладбищем — место, удобное для обороны. Он поспешил его занять и, наскоро окопавшись рвом, загородил все доступы к кургану повозками из своего обоза. Персияне не замедлили повести атаку, и их ожесточенные приступы следовали один за другим без перерыва до самого наступления ночи. Карягин удержался на кладбище, но это стоило ему ста девяноста семи человек, то есть почти половины отряда.

"Пренебрегая многочисленностью персиян, — писал он в тот же день Цицианову, — я проложил бы себе дорогу штыками в Шушу, но великое число раненых людей, коих поднять не имею средств, делает невозможным всякую попытку двинуться с занятого мной места".

Потери персиян были громадны. Аббас-Мирза увидел ясно, во что ему обойдется новая атака русской позиции, и потому, не желая напрасно тратить людей, наутро ограничился канонадой, не допуская мысли, чтобы такой малочисленный отряд мог продержаться более суток.

Действительно, военная история не много представляет примеров, где отряд, окруженный во сто раз сильнеешим неприятелем, не принял бы почетной капитуляции. Но Карягин сдаваться не думал. Правда, сначала он рассчитывал на помощь со стороны карабагского хана, но скоро от этой надежды пришлось отказаться: узнали, что хан изменил и что сын его с карабагской конницей находится уже в персидском стане.

Цицианов пытался обратить карабагцев к исполнению обязательств, данных русскому государю, и, притворяясь незнающим об измене татар, призвал в своей прокламации к карабагским армянам: "Неужели вы, армяне Карабага, доселе славившиеся своей храбростью, переменились, сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами... Опомнитесь! Вспомните прежнюю вашу храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабагцы, как были прежде страхом для персидской конницы".

Но все было тщетно, и Карягин оставался в том же положении, без надежды получить помощь из Шушинской крепости. На третий день, двадцать шестого июня, персияне, желая ускорить развязку, отвели у осажденных воду и поставили над самой рекой четыре фальконетные батареи, которые день и ночь обстреливали русский лагерь. С этого времени положение отряда становится невыносимым, и потери быстро начинают увеличиваться. Сам Карягин, контуженный уже три раза в грудь и в голову, был ранен пулей в бок навывлет. Большинство офицеров также выбыло из фронта, а солдат не осталось и ста пятидесяти человек, годных к бою. Если прибавить к этому мучения жажды, нестерпимый зной, тревожные и бессонные ночи, то почти непонятным становится грозное упорство, с которым солдаты не только бесповоротно переносили невероятные лишения, но находили еще в себе достаточно сил, чтобы делать вылазки и бить персиян.

В одну из таких вылазок солдаты, под командой поручика Ладинского, проникли даже до самого персидского лагеря и, овладев четырьмя батареями на Аскорани, не только добыли воду, но и принесли с собой пятнадцать фальконетов.

"Я не могу без душевного умиления вспомнить, — рассказывает сам Ладинский, — что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких слов: "Пойдем, ребята, с Богом! Вспомним русскую пословицу, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале". Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от

реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса, мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, наорал воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду".

Успех этой вылазки превзошел самые смелые ожидания Карягина. Он вышел благодарить храбрых егерей, но, не находя слов, кончил тем, что перецеловал их всех перед целым отрядом. К общему сожалению, Ладинский, уцелевший на вражьих батареях при исполнении своего дерзкого подвига, на следующий же день был тяжело ранен персидской пулей в собственном лагере.

Четыре дня стояла горсть героев лицом к лицу с персидской армией, но на пятый обнаружился недостаток в патронах и в продовольствии. Солдаты съели в этот день последние свои сухари, а офицеры давно уже питались травой и кореньями.

В этой крайности Карягин решился отправить сорок человек на фуражировку в ближайшие селения, с тем чтобы они добыли мяса, а если можно, и хлеба. Команда пошла под начальством офицера, не внушавшего к себе большого доверия. Это был иностранец неизвестно какой национальности, называвший себя русской фамилией Лисенков; он один из всего отряда видимо тяготился своим положением. Впоследствии из перехваченной переписки оказалось, что это был действительно французский шпион.

Предчувствие какого-то горя овладело в лагере решительно всеми. Ночь провели в тревожном ожидании, а к свету двадцать восьмого числа явились из посланной команды только шесть человек — с известием, что на них напали персияне, что офицер пропал без вести, а остальные солдаты изрублены.

Вот некоторые подробности несчастной экспедиции, записанные тогда со слов раненого фельдфебеля Петрова.

"Как только мы пришли в деревню, — рассказывал Петров, — поручик Лисенков тотчас приказал нам составить ружья, снять амуницию и идти по саклям. Я доложил ему, что в неприятельской земле так делать не годится, потому что, не ровен час, может набежать неприятель. Но поручик на меня крикнул и сказал, что нам бояться нечего; что эта деревня лежит позади нашего лагеря, и неприятелю пробраться сюда нельзя; что с амуницией и ружьями тяжело лазить по амбарам и погребам, а нам мешкать нечего и надо поскорее возвращаться в лагерь. "Нет, — подумал я. — все это выходит как-то неладно". Не так, бывало, дельвали наши прежние офицеры: бывало, половина команды всегда оставалась на месте с заряженными ружьями; но с командиром спорить не приходилось. Я распустил людей, а сам, словно чуя что-то недоброе, взобрался на курган и стал осматривать окрестность. Вдруг вижу: скачет персидская конница... "Ну, — думаю, — плохо!" Кинулся в деревню, а там уже персияне. Я стал отбиваться штыком, а между тем кричу, чтобы солдаты скорее вырубали ружья. Кое-как успел это сделать, и, мы собравшись в кучу, бросились пробиваться.

"Ну, ребята, — сказал я, — сила солому ломит; беги в кусты, а там, Бог даст, еще и отсидимся!" — С этими словами мы кинулись врассыпную, но только шестерым из нас, и то израненным, удалось добраться до кустарника. Персияне сунулись было за нами, но мы их приняли так, что они скоро оставили нас в покое.

Теперь, — закончил свою грустную повесть Петров, — все, что осталось в деревне, или побито, или захвачено в плен, выручать уже некого".

Роковая неудача эта произвела поражающее впечатление на отряд, потерявший тут из небольшого числа оставшихся после защиты людей сразу тридцать пять отборных молодцов; но энергия Карягина не поколебалась.

"Что делать, братцы, — сказал он собравшимся вокруг него солдатам, — гореваньем беды не поправишь. Ложитесь-ка спать да помолитесь Богу, а ночью будет работа".

Слова Карягина так и были поняты солдатами, что ночью отряд пойдет пробиваться через персидскую армию, потому что невозможность держаться на этой позиции была для всех очевидна, с тех пор как вышли сухари и патроны. Карягин, действительно, собрал военный совет и предложил пробиться к Шах-Булахскому замку, взять его штурмом и там отсиживаться в ожидании выручки. Армянин Юзбаш брался быть проводником отряда. Для Карягина сбылась в этом случае русская пословица: "Кинь хлеб-соль назад, а она очутится впереди". Он сделал когда-то большое одолжение одному елизаветпольскому

жителю, сын которого до того полюбил Карягина, что во всех походах находился при нем безотлучно и, как увидим, играл видную роль во всех дальнейших событиях.

Предложение Карягина было принято единодушно. Обоз оставили на разграбление неприятелю, но фальконеты, добытые с боя, тщательно зарыли в землю, чтобы их не нашли персияне. Затем, помолившись Богу, зарядили

картечью орудия, забрали на носилки раненых и тихо, без шума, в самую полночь на двадцать девятое июня, выступили из лагеря.

По недостатку лошадей егеря тащили орудия на лямках. Верхами ехали только три раненые офицера: Карягин, Котляревский и поручик Ладинский, да и то потому, что солдаты сами не допустили их спешиться, обещая на руках вытаскивать пушки, где это будет нужно. И мы увидим дальше, как честно исполнили они свое обещание.

Пользуясь темнотой ночи и горными тущобами, Юзбаш некоторое время вел отряд совершенно скрытно. Но персияне скоро заметили исчезновение русского отряда и даже напали на след, и только непроглядная темень, буря и особенно ловкость проводника еще раз спасли отряд Карягина от возможности истребления. К свету он был уже у стен Шах-Булаха, занятого небольшим персидским гарнизоном, и, пользуясь тем, что там все еще спали, не помышляя о близости русских, сделал залп из орудий, разбил железные ворота и, кинувшись на приступ, через десять минут овладел крепостью. Начальник ее, Эмир-хан, родственник наследного персидского принца, был убит, и тело его осталось в руках русских.

Едва отгремели раскаты последних выстрелов, как вся персидская армия, по пятам преследовавшая Карягина, показалась в виду Шах-Булаха. Карягин приготовился к бою. Но прошел час, другой томительного ожидания — и, вместо штурмовых колонн, перед стенами замка появились персидские парламентары. Аббас-Мирза обращался к великодушию Карягина и просил о выдаче тела убитого родственника.

— С удовольствием исполню желание его высочества, — ответил Карягин, — но с тем, чтобы и нам были выданы все наши пленные солдаты, захваченные в экспедиции Лисенкова.

— Шах-Заде (наследник) это предвидел, — возразил персиянин, — и поручил мне передать искреннее его сожаление. Русские солдаты все до последнего человека легли на месте сражения, а офицер на другой день умер от раны.

Это была ложь; и прежде всего сам Лисенков, как было известно, находился в персидском лагере; тем не менее Карягин приказал выдать тело убитого хана и только прибавил:

— Скажите принцу, что я ему верю, но что у нас есть старая пословица: "Кто солжет, тому да будет стыдно", наследник же обширной персидской монархии краснеть перед нами, конечно, не захочет.

Тем переговоры и окончились. Персидская армия обложила замок и начала блокаду, рассчитывая голодом принудить Карягина сдаться. Четыре дня

питались осажденные травой и конским мясом, но наконец съедены были и эти скудные запасы. Тогда Юзбаш явился с новой неоценимой услугой: он ночью вышел из крепости и, пробравшись в армянские аулы, известил Цицианова о положении отряда. "Если ваше сиятельство не поспешит на помощь, — писал при этом Карягин, — то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода".

Донесение это сильно встревожило князя Цицианова, не имевшего при себе ни войск, ни продовольствия, чтобы идти на выручку.

"В отчаянии неслыханном, — писал он Карягину, — прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами Божьими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбие превышает всякое воображение".

Письмо это было доставлено тем же Юзбашем, который благополучно возвратился в замок, принеся с собой и небольшое количество провизии. Карягин разделил этот запрос поровну между всеми чинами гарнизона, но его хватило только на сутки. Юзбаш стал отправляться тогда уже не один, а с целыми командами, которые счастливо проводил по ночам мимо персидского лагеря. Однажды русская колонна, впрочем, даже наткнулась на конный неприятельский разъезд; но, к счастью, густой туман позволил солдатам устроить засаду. Как тигры бросились они на персиян и в несколько секунд истребили всех без выстрела, одними штыками. Чтобы скрыть следы этого побоища, они забрали лошадей с собой, кровь на земле засыпали, а убитых стащили в овраг, где закидали землей и кустарником. В персидском лагере так ничего и не узнали об участи погибшего разъезда.

Несколько подобных экскурсий позволили Карягину продержаться еще целую неделю без особенной крайности. Наконец Аббас-Мирза, потеряв терпение, предложил Карягину большие награды и почести, если он согласится перейти в персидскую службу и сдаст Шах-Булах, обещая, что никому из русских не будет нанесено ни малейшей обиды. Карягин просил четыре дня на размышление, но с тем, чтобы Аббас-Мирза во все эти дни продовольствовал русских съестными припасами. Аббас-Мирза согласился, и русский отряд, исправно получая от персиян все необходимое, отдохнул и оправился.

Между тем истек последний день перемирия, и к вечеру Аббас-Мирза прислал спросить Карягина о его решении. "Завтра утром пускай его высочество займет Шах-Булах", — ответил Карягин. Как увидим, он сдержал свое слово.

Едва наступила ночь, как весь отряд, руководимый опять Юзбашем, вышел из Шах-Булаха, решившись перебраться в другую крепость, Мухрат, которая по гористому местоположению и близости к Елизаветполю была удобнее для защиты. Окольными дорогами, по

горам и тущобам, отряду удалось обойти персидские посты так скрытно, что неприятель заметил обман Карягина только под утро, когда авангард Котляревского, составленный исключительно из одних раненых солдат и офицеров, уже был в Мухрате, а сам Карягин с остальными людьми и с пушками успел миновать опасные горные ущелья. Если бы Карягин и его солдаты не были проникнуты поистине геройским духом, то, кажется, одних местных трудностей было бы довольно, чтобы сделать совершенно невозможным все предприятие. Вот, например, один из эпизодов этого перехода, факт, стоящий одиноко даже и в истории кавказской армии.

В то время, когда отряд еще шел по горам, дорогу пересекла глубокая промоина, через которую невозможно было переправить орудий. Перед ней остановились в недоумении. Но находчивость кавказского солдата и безграничное его самопожертвование выручили и из этой беды.

Ребята! — крикнул вдруг батальонный запевала Сидоров. — Чего же стоять и задумываться? Стоя города не возьмешь, лучше послушайте, что я скажу вам: у нашего брата пушка — барыня, а барыне надо помочь; так перекатим-ка ее на ружьях".

Одобрительный шум пошел по рядам батальона. Несколько ружей тотчас же были воткнуты в землю штыками и образовали сваи, несколько других положены на них, как переводины, несколько солдат подперли их плечами, и импровизированный мост был готов. Первая пушка разом перелетела по этому в буквальном смысле живому мосту и только слегка помяла молодецкие плечи, но вторая сорвалась и со всего размаху ударила колесом по голове двух солдат. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своей жизнью. В числе их был и батальонный запевала Гаврила Сидоров.

Как ни торопился отряд с отступлением, однако же солдаты успели вырыть глубокую могилу, в которую офицеры на руках опустили тела погибших сослуживцев. Сам Карягин благословил этот последний приют почивших героев и поклонился ему до земли.

"Прощайте! — сказал он после короткой молитвы. — Прощайте, истинно православные русские люди, верные царские слуги! Да будет вам вечная память!"

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ СОЛДАТА 17-ГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА, СИДОРОВА, 2-ГО ИЮЛЯ 1805 Г.
КОГДА СТАЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ИТОГИ СРАЖЕНИЯ, — ТО ОДИН ИЗ НИХ (СМОТРЕТЬ) СЪ УЧЕНЫМ И ПРИМНО КАРАЮЩО СТОЯЩИМ ВЪ ПЛОСКОСТИ.

"Молите, братцы, Бога за нас", — говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья.

Между тем Юзбаш, все время наблюдавший окрестности, подал знак, что персияне уже недалеко. Действительно, едва русские дошли до Кассанет, как персидская конница уже надела на отряд, и завязалась такая жаркая схватка, что русские орудия несколько раз переходили из рук в руки... К счастью, Мухрат уже был близко, и Карягин ночью успел отступить к нему с небольшой потерей. Отсюда он тотчас написал Цицианову: "Теперь я от атак Баба-хана совершенно безопасен по причине того, что здесь местоположение не позволяет ему быть с многочисленными войсками".

В то же самое время Карягин отправил письмо к Аббас-Мирзе в ответ на предложение его перейти в персидскую службу. "В письме своем изволите говорить, — писал ему Карягин, — что родитель ваш имеет ко мне милость; а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, поседевший под ружьем, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества".

Мужество полковника Карягина принесло громадные плоды. Задержав персиян в Карабаге, оно спасло Грузию от наводнения ее персидскими

полчищами и дало возможность князю Цицианову собрать войска, рассеянные по границам, и открыть наступательную кампанию.

Тогда и Карягину явилась наконец возможность покинуть Мухрат и отступить к селению Маздыгерт, где главнокомандующий принял его с чрезвычайными военными почестями. Все войска, одетые в парадную форму, были выстроены развернутым фронтом, и когда показались остатки храброго отряда, Цицианов сам скомандовал: "На караул!". По рядам гремело "Ура!", барабаны били поход, знамена приклонялись...

Обходя раненых, Цицианов с участием расспрашивал об их положении, обещал донести о чудесных подвигах отряда государю, а поручика Ладинского тут же поздравил кавалером ордена св. Георгия 4-ой степени [Впоследствии Ладинский, будучи полковником, командовал Эриванским карабинерным полком (бывший семнадцатый егерский) и в этой должности оставался с 1816 по 1823 год. Все, кто только знал Ладинского уже в преклонных летах, отзываются о нем как о веселом, любезном и остроумном человеке. Он принадлежал к числу тех людей, которые всякий рассказ умеют украсить анекдотами и ко всему относятся с комизмом, умея подмечать везде смешные и слабые стороны.].

Государь пожаловал Карягину золотую шпагу с надписью "За храбрость", а армянину Юзбашу чин прапорщика, золотую медаль и двести рублей пожизненной пенсии.

В самый день торжественной встречи, после вечерней зари, Карягин отвел геройские остатки своего батальона в Елизаветполь. Храбрый ветеран изнемогал от ран, полученных на Аскорани; но сознание долга в нем было так сильно, что, спустя несколько дней, когда Аббас-Мирза появился у Шамхора, он, пренебрегая болезнью, снова стоял уже лицом к лицу с неприятелем.

Утром двадцать седьмого июля небольшой русский транспорт, следовавший из Тифлиса к Елизаветполю, был атакован значительными силами Пир-Кули-хана. Горсть русских солдат и с ними бедные, но храбрые грузинские погонщики, составив каре из своих арб, защищались отчаянно, несмотря на то, что на каждого из них приходилось неприятелей, по крайней мере, по сто человек. Персияне, обложив транспорт и громя его из орудий, требовали сдачи и угрожали в противном случае истребить всех до единого. Начальник транспорта, поручик Донцов, один из тех офицеров, имена которых невольно врезаются в память, отвечал одно: "Умрем, а не сдадимся!" Но положение отряда становилось отчаянным. Донцов, служивший душой обороны, получил смертельную рану; другой офицер, прапорщик Плотневский, через свою запальчивость был схвачен в плен. Солдаты остались без начальников

и, потеряв большую половину людей, уже стали колебаться. К счастью, в этот момент появляется Карягин, и картина боя мгновенно изменяется. Русский батальон, в пятьсот человек, стремительно атакует главный лагерь наследного принца, врывается в его окопы и овладевает батареей. Не давая неприятелю опомниться, солдаты поворачивают отбитые пушки на лагерь, открывают из них жестокий огонь, и — при быстро распространяющемся в персидских рядах имени Карягина — все бросаются бежать в ужасе.

Поражение персиян было так велико, что трофеями этой неслыханной победы, одержанной горстью солдат над целой персидской армией, был весь неприятельский лагерь, обоз, несколько орудий, знамена и множество пленных, в числе которых был захвачен и раненый грузинский царевич Теймураз Ираклиевич.

Таков был финал, блистательно закончивший персидскую кампанию 1805 года, начатую теми же лицами и почти при тех же условиях на берегу Аскорани.

В заключение считаем не лишним прибавить, что Карягин начал свою службу рядовым в Бутырском пехотном полку во время турецкой войны 1773 года, и первые дела, в которых он участвовал, были блистательные победы Румянцева-Задунайского. Здесь, под впечатлением этих побед, Карягин впервые постиг великую тайну управлять в бою сердцами людей и почерпнул ту нравственную веру в русского человека и в себя самого, с которой впоследствии он, как древний римлянин, никогда не считал своих неприятелей.

Когда Бутырский полк был двинут на Кубань, Карягин попал в суровую обстановку кавказской прилинейной жизни, был ранен при штурме Анапы и с этого времени, можно сказать, не выходил уже из-под огня неприятеля. В 1803 году, по смерти генерала Лазарева, он был назначен шефом семнадцатого полка, расположенного в Грузии. Здесь, за взятие Ганжи, он получил орден св. Георгия 4-ой степени, а подвиги в персидской кампании 1805 года сделали имя его бессмертным в рядах Кавказского корпуса.

К несчастью, постоянные походы, раны и в особенности утомление в зимнюю кампанию 1806 года окончательно расстроили железное здоровье Карягина; он заболел лихорадкой, которая скоро развилась в желтую, гнилую горячку, и седьмого мая 1807 года героя не стало. Последней наградой его был орден св. Владимира 3-ей степени, полученный им за несколько дней до кончины.

Много лет пронеслось над безвременной могилой Карягина, но память об этом добром и симпатичном человеке свято хранится и передается из поколения в поколение. Пораженное его богатырскими подвигами, боевое

потомство придало личности Карягина величаво-легендарный характер, создало из него любимейший тип в боевом кавказском эпосе.

А.В. Потто

«Кавказская война»